

Сочиненія

А.А.Потѣхина

Сочиненія
А. А. Потѣхина.

Томъ пятый.

Всесвірна бібліотека

Збірання сочинень знаменитихъ
руськихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входять слѣдующія
збірання сочинень:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева, арт. императорскихъ театровъ;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго.
Гюи де Мопасана, со вступит. статьей З. А. Венгеровой.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., 75.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ пятый.

**Крестьянскія дѣти. Разсказъ. — Иванъ да
Марья. Повѣсть.**

С.-Петербургъ.

Типографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

891.78
P862
1953
v.5

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

Крестьянскія дѣти. Разсказъ.

Сироты	3
Сиротская жизнь. Первые шаги	40
Полевая работа	94
Зимняя пора	136
На фабрику	170
Фабричный мальчишка	215
Иванъ да Марья. Повѣсть	259

Крестьянскія дѣти.

Разсказъ.

Сироты.

Въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ скудость и неурожайность почвы, короткое лѣто и длинныя зимы не позволяли крестьянамъ сосредоточить свои силы на одномъ хлѣбопашествѣ, а вызвали промыслы и фабричную дѣятельность, — до сихъ поръ еще существуетъ деревня Ломы.

Неприглядная сама по себѣ, вся изъ небольшихъ, трехъоконныхъ, крытыхъ соломой избенокъ, — она и помѣстилась на скучной, плоской, болотистой мѣстности. Не было при деревнѣ даже никакой рѣченки, никакого ручейка: воду для питья брали изъ колодцевъ, которые, кстати, въ болотистой почвѣ копать было легко и удобно; а для водопоя скота въ концѣ деревни былъ вырытъ мелкій прудъ, вѣчно затянутый зеленью и ржавчиной. Можетъ быть и вѣроятно, нѣкогда деревню окружали дремучіе лѣса; но крестьянская нужда, запашка и русская небережливость, а затѣмъ фабрики, — давно уже уничтожили ихъ далеко кругомъ, — и деревня Ломы стояла, какъ говорится, на полнѣйшемъ пустоплесѣ, ничѣмъ, ни откуда не защищенная отъ суровыхъ зимнихъ вѣтровъ и мятелей, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ иныхъ лихихъ непогодъ. Торчавшія кое-гдѣ по огородамъ одинокія ветлы, березы и рябины не давали тѣни, не украшали мѣст-

ности, а служили только пристанищемъ воронъ и га-локъ, которыя, отъ времени до времени, косыми тучами поднимались и пролетали надъ деревней въ поле и обратно, оглушая воздухъ своимъ карканьемъ и криками.

Трудно себѣ представить болѣе печальное мѣсто для жилища человѣка: видъ деревни прежде всего наводилъ на мысль о бѣдности ея обитателей, о тоскѣ и скукѣ жизни въ ней. И мужики здѣсь, дѣйствительно, жили бѣдно, по нашему, — „ровненько“, по ихнему мнѣнію; но ни скуки, ни тоски не знали, и даже любили свою деревню, гдѣ родились и умерли ихъ дѣды и прадѣды, гдѣ они сами родились, бѣдствовали, трудились. Они не только любили свою родину, но даже любовались ею, находили въ ней особенныя удобства и красоты.

„Да чѣмъ наше не мѣсто?“ — говорили они. — „Наше мѣсто привольное: глянь-ка, — куда видать во всѣ стороны; мѣсто открытое, ровное, — ни горы, ни овражины, поѣзжай, куда хошь ... А воды-то сколь у насъ! не какъ у людей, — по тридцати сажень колодцы роютъ: у насъ копни, гдѣ хошь, аршина на два — сейчасъ тебѣ и вода ... Хлѣбъ у насъ родится, благодарить Бога, не хуже людей ... Травки, хотъ она крупненька и жестконька, да зато ея въ-волю ... ну, про телятъ гуменники косимъ ... Нѣтъ, у насъ, благодарить Бога, мѣсто привольное, хорошее ... Вотъ лѣскомъ пообездолились; ну, да всѣмъ не возьмешь ... Да по нынѣшнему времени, куда ни поди, лѣсовъ-то нѣтъ ... Кои и стоятъ, такъ либо барскіе, либо купецкіе; да и тѣхъ въ ума-леньи ... Да, насчетъ отопленья тѣсненько стало, нечего сказать: лучинку — освѣтиться — ту поди, купи, да поѣзжай за десять верстъ ... А то, чего

не жить на нашемъ мѣстѣ? наше мѣсто самое привольное . . .

— Отчего же вы не поправляетесь, не богатеете? — спросишь ихъ.

— Какъ не поправляемся? Нѣтъ, мы живемъ ничего, благодарить Создателя, — живемъ не хуже людей . . . Недоимка на насъ стоитъ небольшая; скота — слава Богу: безъ лошади ни одного двора не найдешь . . . Живемъ ровно всѣ; другъ противъ друга никто не выскочилъ . . . Ну, а богатѣть — это отъ Бога; кому какой предѣлъ . . . У насъ богатѣевъ нѣтъ, всѣ одинъ къ одному живемъ . . .

На эту деревню, на ея добродушныхъ обитателей, нѣсколько лѣтъ назадъ, обрушился страшный бичъ: появилась холера. Эта ужасная эпидемія, какъ чудовищный звѣрь какой, переносилась изъ селенія въ селеніе, останавливалась, пожирала избранныя жертвы — и, насытившись, шла далѣе. Крестьяне встрѣчали ее, какъ настоящія обреченныя беззащитныя жертвы. Правительство принимало мѣры, разсылало врачей, печатало наставленія — какъ лѣчиться, какъ предохранять себя отъ болѣзни, — и эти мѣры достигали цѣли въ городахъ: чудовище уступало знанію — и, побѣжденное, скоро уходило прочь; но въ деревняхъ оно почти не встрѣчало сопротивленія, жертвы не защищались.

И что могли сдѣлать, какъ могли защищаться крестьяне? Наука доказываетъ, что главныя мѣры предохраненія составляютъ: правильная жизнь, питательная, не обременяющая желудка пища, осторожность отъ простуды, равномерная температура и чистый воздухъ въ жилищахъ. А крестьянинъ ѣстъ говядину два-три раза въ году, по большимъ праздникамъ: въ остальное же время наполняетъ желу-

докъ однимъ ржанымъ хлѣбомъ, капустой, кислымъ молокомъ, лукомъ, грибами; круглый годъ онъ не знаетъ другой пищи, да и не можетъ имѣть ея; онъ по цѣлымъ днямъ иногда долженъ работать или въ сырости, или подъ дождемъ, или подъ палящимъ зноемъ, и за благо считаетъ освѣжить перегорѣвшее горло тѣмъ же кислымъ квасомъ, или водой изъ перваго встрѣчнаго бочага; а возвращаясь усталый и измокшій домой, онъ съ радостью залѣзаетъ на горячую печку, чтобы согрѣться и отдохнуть, и дышетъ въ своей избѣ воздухомъ, зараженнымъ испареніями всего съѣстного, что здѣсь же готовилось, — всего домашняго скарба, испареніями нагольныхъ полушубковъ, которые составляютъ и его одежду, и постель, и изголовье, и одѣяло; измученные жаромъ, духотою, недостаткомъ воздуха въ избѣ, они ложатся спать — или въ сѣняхъ, гдѣ дуетъ и врывается холодный и сырой ночной воздухъ, во все щели стѣнъ и пола, — или въ сараѣ, или прямо подъ открытымъ небомъ. Возможно ли, при такихъ условіяхъ жизни, не захворать при эпидеміи, а заболѣвши вылѣчиться, хотя бы и при помощи цѣлаго медицинскаго факультета? Крестьянина спасаетъ и защищаетъ отъ болѣзни только одна природа; только закаленный, ко всему привыкшій и притерпѣвшійся организмъ.

Холера особенно сильно свирѣпствовала въ Ломахъ. Крестьяне объясняли это особеннымъ гнѣвомъ Божіимъ, и никто не подумалъ, что причина заключалась въ мѣстныхъ условіяхъ, — въ болотныхъ испареніяхъ, которыми дышала деревня, въ отсутствіи всякой растительности, въ быстромъ переходѣ отъ дневного зноя къ ночной сырости, въ колодезной водѣ.